

Вскоре подействовало лекарство, и Чи Инсянь крепко уснул. Он даже не заметил, как Дай Фань несколько раз нарушал его личное пространство, и он, к своему удивлению, принимал это. Так же, как сейчас, когда он, заболев, сам позвал Дай Фаня, и тот ходил по его дому, не вызывая у него никакого дискомфорта.

Незаметно в мелочах происходили изменения.

Чи Инсянь проснулся от запаха еды. Накануне он съел только одну порцию каши, и весь день спал, так что уже успел проголодаться. В доме пахло едой, и слышались голоса, такая атмосфера была для него непривычной.

Он медленно открыл глаза и перевернулся в сторону звука, увидев на большом экране телевизора фильм и голову на диване.

Ах да, у него была температура, и он позвонил Дай Фаню.

Тот быстро пришел, измерил ему температуру и дал лекарство.

Чи Инсянь вспомнил это, осторожно сбросил одеяло и заметил, что Дай Фань нашел где-то запасное одеяло и укрыл его. Дай Фань, смотрящий фильм в гостиной, не заметил, как Чи Инсянь босиком подошел к нему.

Температура, должно быть, спала, теперь он весь был в поту, и слабость исчезла.

Дай Фань, похоже, совсем не заметил его приближения, увлеченно смотря фильм. На экране шла старая картина с канала фильмов в HD-ремастеринге, которую Чи Инсянь тоже смотрел, но она не оставила у него особого впечатления. Он стоял за диваном и смотрел вниз, видя, как Дай Фань сидит, скрестив ноги, с фарфоровой тарелкой в руках, на которой была лапша.

С его угла обзора было видно ухо и шею Дай Фаня, и его белая кожа вызывала не совсем приличные мысли.

Фильм перешел к смене сцены, и Дай Фань наклонился, чтобы съесть немного лапши.

— Ты... — вдруг произнес Чи Инсянь.

Дай Фань вздрогнул, лапша все еще была у него во рту, и он, надув щеки, обернулся к нему.

Его глаза округлились, когда он увидел, как Чи Инсянь проглотил лапшу:

— ...Ты проснулся, температура спала? — сказал Дай Фань, ставя тарелку на журнальный столик и быстро беря градусник. — Еще раз измерим?

— Не надо, уже лучше...

— Нужно, — настаивал Дай Фань.

Отказ Чи Инсяня не имел значения, Дай Фань поднес градусник к его лбу, и они оказались так близко, что Чи Инсянь почувствовал странное напряжение.

Это напряжение, казалось, намекало на что-то.

Дай Фань взглянул на цифры:

— Еще немного температура, но, думаю, в больницу уже не нужно. На плите есть еда, умойся и поешь.

Перед такой заботой Чи Инсянь, глядя на его уходящую в кухню фигуру, почувствовал, как его сердце забилось быстрее.

Черт, кажется, это влюбленность.

Дай Фань, похоже, пока Чи Инсянь спал, уже освоился в его доме и уверенно направился на кухню. Чи Инсянь последовал за ним, наблюдая, как он открывает кастрюлю и наливает кашу.

Дай Фань, продолжая хлопотать, ворчал:

— Когда болеешь, нужно укрываться теплее, иначе простуда неизбежна. ...Сегодня снова каша, но я добавил немного ребрышек, чтобы подкрепиться.

Он обернулся:

— Давай, умойся и надень куртку.

Слушая его заботливые слова, щеки Чи Инсяня слегка покраснели, и он кивнул, выполняя указания.

Он видел много заботы от фанатов, но она была совсем не похожа на то, что сейчас проявлял Дай Фань.

Когда-то старший коллега говорил ему, что самая далекая эмоция — это обожание. Потому что они видят только твои лучшие стороны, и поэтому они увлечены; но как только ты совершишь какой-то скандал, множество фанатов отвернется от тебя. Это не сентиментальность, это реальность шоу-бизнеса, и даже такие уважаемые актеры, как он, должны соблюдать правила.

Никто не знает, когда он станет «прошлым сезоном».

Поэтому, глядя на Дай Фаня, его естественная, проникающая забота казалась особенно ценной.

Дай Фань был отличным поваром, и каша с ребрышками вызвала у Чи Инсяня аппетит. Он ел с удовольствием, а Дай Фань сидел напротив, играя на телефоне, не пытаясь специально завести разговор, как будто для них было естественным так обедать вместе.

Чи Инсянь доел последний кусочек и положил ложку.

Дай Фань обратил внимание на звук и, отложив телефон, взглянул на тарелку:

— Все съел? Добавить?

— Нет.

— Тогда я оставлю остатки в холодильнике, если проголодаешься, просто разогрей.

Сказав это, Дай Фань потянулся за тарелкой Чи Инсяня.

Это было так естественно, как будто они были семьей, хотя у Чи Инсяня было слабое представление о семье, но в этот момент он почувствовал это. По логике, Дай Фань пришел

позаботиться о нем, и он должен был сам убрать посуду, но Чи Инсянь на мгновение задумался, а когда очнулся, Дай Фань уже стоял у раковины и мыл посуду.

Термос, который он не успел вымыть вчера, уже был чистым и сушился рядом, вероятно, Дай Фань вымыл его, пока он спал.

Он быстро подошел к Дай Фаню и начал мыть использованную посуду:

— Я сам.

Дай Фань не стал спорить, вымыл руки:

— Тогда я пойду, тебе нужно еще раз принять лекарство, я оставил его на тумбочке, выпей перед сном.

— ...Ты так заботишься обо всех? — тихо спросил Чи Инсянь.

Вопрос был неожиданным, и Дай Фань не сразу понял:

— ...Нормальные люди заботятся о больных друзьях. Я пошел, не простудись снова.

Сказав это, Дай Фань действительно вытер руки, закрыл термос и направился к двери.

Чи Инсянь поспешил выключить воду и последовал за ним. Дай Фань переобулся, открыл дверь и сказал:

— Пока.

Он хотел сказать спасибо, но слова застряли в горле, и он просто сказал:

— До свидания.

Когда Чи Инсянь вымыл посуду и снова сел на диван, он все еще думал о том, что не сказал «спасибо». Это было слишком невежливо, он так заботился о нем, а он даже не поблагодарил. И за все это время Дай Фань не выпил ни чашки чая, а лапшу, которую он ел, пока сидел с ним, приготовил сам.

Ему хотелось написать Дай Фаню и выразить благодарность, но это казалось неестественным, и он колебался.

Чи Инсянь колебался два дня, и теперь сказать «спасибо» казалось уже запоздалым. Только когда Миллер вернулся из отпуска, он наконец нашел, как начать разговор.

Он отправил Дай Фаню сообщение в WeChat: [Какой фильм Юань Исяо тебе нравится больше всего?]

Отправив сообщение, он почувствовал странное раздражение в груди, и его выражение лица стало настолько мрачным, что Миллер спросил:

— Чи-гэ, что с вами?

Что с ним? Он чувствовал, что всегда был мягким и сдержанным старшим коллегой перед младшими, но перед Дай Фанем он вел себя как ребенок.

Когда легендарный менеджер вернулся, он сразу же потребовал, чтобы Дай Фань пришел в компанию.

Дай Фань, конечно, послушался, немного привел себя в порядок и отправился туда. У оригинала были проколоты уши, и среди выброшенных им украшений были яркие серьги и длинные подвески. Он не любил носить цепи и дорогие часы, поэтому надел только одну серьгу с бриллиантом, подаренную Дай Ханем.

Когда Дай Хань вернулся, его позвал Ло Сэнь на обед, и он не успел поговорить с ним, а позже, погрузившись в работу, попросил секретаря отнести ему эти серьги.

Сюй Цзян несколько раз бросал на него взгляды во время поездки, но в конце концов не удержался:

— Сколько карат?..

— Ты про серьги? — Дай Фань потрогал мочку уха. — Не знаю, мне, честно говоря, они не очень нравятся.

У него была привычка трогать мочку уха, когда было скучно, а теперь он чувствовал только холод бриллианта.

— Но раз уж купили, то не носить их было бы расточительством.

— Ха, ха, — Сюй Цзян скривился. — Вы действительно бережливы.

Дай Фань улыбнулся:

— Бедность научила.

Они прибыли в кинокомпанию Байлэ и вскоре встретили легендарного менеджера Цзи Юань. Но Цзи Юань была совсем не такой, как он представлял — он думал, что это будет мужчина средних лет, похожий на Фэн Цзиня, но в офисе, за чашкой чая и с документами, сидела женщина, чей возраст было трудно определить.

<http://bllate.org/book/16599/1517304>